

– Щекотливая тема... Я бы на твоём месте выбрал что-нибудь другое.

Гульковский в своём амплуа: дует на воду, обжѣгшись на молоке. Но его можно понять, старичок уже так и остался навсегда в прошлом. Всё так же боится не угодить власти, не угадать тенденций... Хотя в чём-то он прав: не дай бог дожить до дня, когда твой труд, не подтверждённый реальностью, утратит провидческую научность. А у старика опыт, на его глазах столько было развенчано кандидатов и докторов, и даже академиков научного коммунизма, диалектического материализма, истории партии... Нет, пожалуй, насчёт истории – перебор. История – факт непреложный.

– Я, Станислав, тебе как старший товарищ и как учёный рекомендую не браться за то, что имеет связь с будущим. Судьба пророков, как ложных, так и истинных, всегда драматична.

– Скорее, всё же истинных, чем ложных. Истина нага, её видно сразу, а ложь умеет рядиться и мимикрировать.

Сказал так умно, что самому понравилось. Но старика не прошибѣшь. Он в своих мыслях – как в предохранительной капсуле с односторонней связью: его слышно, а ему нет.

– Видишь ли, если бы мы в юности понимали, что в конце жизни нам не хватит каких-нибудь мгновений для прозрения, для постижения смысла бытия, мы не тратили бы его на пустое времяпрепровождение и на суету.

Он не совсем понял, что старик имел в виду под суетой: каждодневное бытие или обивание порогов в погоне за степенями, званиями и наградами... Ждал, чем тот закончит, но Гульковский замолчал и погрузился в себя. А проще говоря – отключился, со стариком в последнее время это случалось: говорит-говорит и вдруг замирает, то ли пугая собеседника неожиданным переходом в мир иной, то ли погружаясь в ведомые только ему иные сферы существования. Синицкий тоже прежде пугался и затихал, прислушиваясь, дышит ли... теперь привык к этим сонным паузам. Что поделаться, старику за восемьдесят, устаёт.

– Русский человек обладает удивительной склонностью перенимать, – бодрим голосом, словно и не было этой паузы, продолжил Гульковский. – Этакое независтливое перенимание всего, что вносе, что есть у других.

«К чему бы это?» – подумал Синицкий, речь ведь шла совсем о другом.

– Помню, в юности меня заинтересовала психология отношения наших и французов во время войны восемьсот двенадцатого года. Парадокс, но наше общество не считало французов врагами. Я имею в виду, естественно, дворян, офицеров; крестьяне видели в них именно врагов и не щадили. – Он помолчал, словно что-то вспоминая. – Очень мне хотелось понять причину этого милосердия к врагу. Я так и сформулировал тему: милосердие к врагу как национальная черта. И даже сейчас помню, от чего хотел оттолкнуться. – Он поднял на Синицкого глаза, спрятавшиеся под седыми кустистыми бровями. – «Тело моё родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской». Знаете, откуда это?

– Нет, – мотнул головой Сеницкий, запоздало осмысливая услышанное, потому что думал совсем о другом.

– Это, мой юный друг, слова одного из персонажей пьесы «Бригадир» Дениса Ивановича Фонвизина. И сформулирован сей постулат задолго до наполеоновского нашествия. И вот что удивительно, французы завоевали Россию без всякого оружия – книгами Дидро, Вольтера, парижской модой, Версалем... Вы знаете, Станислав, перед войной семь книг из десяти в России выходили именно на французском языке. И немало было тех, кто знал этот язык лучше родного, что и подметил Фонвизин. Признаться, я и сегодня не понимаю, зачем Наполеону нужно было завоёвывать страну оружием, если стоило приложить ещё немного усилий, добавить гувернанток-француженок, французской моды, французской философии – и мы сами бы сдались... После взятия Бастилии из Франции к нам переехали почти пятнадцать тысяч французов. Представляете, какой десант, какая пятая колонна. – Он замолчал, задумался, ловя ускользящую мысль, и неожиданно признался: – Я вот сейчас подумал, а может быть, Бонапарт как раз и рассчитывал на эту колонну. Как вы считаете?

– Я? – Сеницкий растерялся. – Я как-то не думал об этом. – И уже уверенно добавил: – Но это интересная мысль.

– Он ведь не был готов к долгой войне, он не собирался долго кормить и одевать армию... Но мы отвлеклись, я всё же хотел сказать не об этом. Я размышлял о заимствованиях. О том, что русский язык тогда весьма обогатился французскими словечками, новыми смыслами. А знаете, в ходе военных действий офицерам было даже запрещено говорить по-французски. Русские крестьяне могли принять их за французов и поднять на вилы.

Старик совсем оживился, даже щёки утратили привычную бледность. Тут хочешь не хочешь, а будешь слушать. К тому же то, о чём он говорил, Сеницкий не знал, и ему действительно было интересно.

– Взаимоотношения народов – тема библейская. Вечная. Краеугольная. – Старик прищурился. – Со времён строительства Вавилонской башни. А между родственными народами отношения к тому же не поддаются голому рассудку. Тут полно эмоций. Элементарных человеческих чувств. Зависти, обиды, гордыни. Так что, мой друг, вы можете поддаться этим эмоциям и согрешить против истины. – Гульковский задумался. – Впрочем, объективной истины не существует. Все мы живём в субъективных мирах, и у каждого истина своя. Но кое-кому выпадает признание его истины истинной. Так что – дерзайте...

Он неторопливо, экономя движения, поднялся со скамейки, на которой они сидели. Рукой с выпирающими венами перехватил поудобнее трость.

– Вы уж извините, мой друг, пора мне отдохнуть...

И, не ожидая слов прощания, медленно пошёл по аллее к выходу из парка. И вдруг остановился, обернулся.

– Да, мой юный друг, думаю, вам будет интересно это знать: вместе с Наполеоном в Россию пришли почти сто тысяч наших с вами предков. Братья нередко бьются до крови... Кстати, прародителем того же Фонвизина был немецкий барон, взятый в плен. Возможно, и наши прародители из пленных улан.

«Пожалуй, он прав, – подумал Сеницкий, – среди родственников всегда так всё напутано. А уж между некоторыми родственными народами – вековечное соперничество...»

Как-то у них был разговор по поводу своих родословных: фамилии схожие, польские. Да и родились они оба в Смоленске, который входил и в княжество Литовское, и в Речь Посполитую.

После того разговора он пытался найти свои корни, но что найдёшь после стольких войн, когда всё дотла выжигалось, он даже про своих дедов ничего не нашёл. Пока те живы были – не догадался расспросить, а, когда созрел для понимания жизненной важности знаний о своих предках, не у кого было спрашивать. А в архивах руками развели: утрачены все документы во время войны последней, если и не сгорели, то где-то утеряны безвозвратно. Вот и остался он без фундаментальной опоры, словно не продолжает начатое предками, а новое начинает.

Надо будет посмотреть в интернете, может, кто из Сеницких отметился в каких-нибудь записках о той давней войне...

Его руководитель Бельский (может, тоже с польской кровью) не намного старше, но уже доктор наук. Приверженец демократии как оптимальной низшей формы государственности. Высшей он

считает единоначалие. Но не монархию, а универсальное управление из единого центра, и глобализацию как экономическую скрепу всего человечества и панацею от войн. Собственно, кандидатская Сеницкого – это развитие одного из положений теории Бельского о неизбежности глобального слияния цивилизационных потоков в единый. Он убеждён, что не за горами тот день, когда экономика создаст единый универсальный язык и история человечества обретёт новую культуру, в которой индивидуальное, самобытное перестанет воссоздаваться, а общечеловеческое, общепонятное станет единым и культура перестанет быть разномастной и зачастую ненужной надстройкой. Правда, уровень культуры придётся опускать искусственно в тех уголках мира, где он сегодня неоправданно высок и не востребован большинством, и поднимать там, где низок, для гармоничного функционирования индивидуумов.

– Но если мы будем равняться на племена Амазонки, то не слишком ли низок он будет. И так уже в моде татуировки. Вот только голыми ходить климат не везде позволяет, – высказал свои опасения Сеницкий.

– Твою иронию понимаю, – поглаживая клинышек начавшей расти рыжей бородки, произнёс Бельский. – Но опасений не разделяю. В универсальную культуру войдут только массивные традиции. Племенные или групповые пристрастия слишком мелки, чтобы как-либо влиять даже на подобные им образования. А что касается татуировок, то они действительно свидетельствуют о низком уровне культуры, но, возможно, на этом, приемлемом большинством уровне, мы сейчас и находимся. И между прочим, это может стать предметом для исследований, войти отдельной главой в твою диссертацию...

Бельскому нравится тема диссертации Сеницкого. Он говорит, что в ней заложено предвидение будущего. В этом будущем индивидуализм приобретёт форму полной независимости от условностей морали и будет подчиняться исключительно прагматичной реальности. Каждый человек будет несравнимо сильнее ныне живущих, даже самых продвинутых, не телом, конечно, а умственным потенциалом, знаниями, умением, но в то же время будет находиться в гармонии с установленным общеземным порядком. Государств не будет, и одного как такового всемирного государства тоже не будет. А вот что будет, это они ещё не придумали. Доселе история человечества зиждилась на коллективизме, на сложении усилий многих для решения непосильных для одного задач. Пример тому – войны. Один в поле, действительно, не воин. Хотя и есть в прошлом примеры, когда богатыри выходили сражаться один на один. Как Пересвет и Челубей на Куликовом поле. Но это всего лишь литературные персонажи, никто не знает, было ли так на самом деле...

И что не понравилось Гульковскому?

Ничего щекотливого в теме диссертации, просто старик мыслит прошлыми стереотипами. Старость прозябает на воспоминаниях. На пережитых эмоциях и опыте. Когда-нибудь и он будет стареньким, тогда тоже будет стоять на отжившем. А придут новые молодые. Дерзкие...

А почему отжившем?.. Нет! Так даже думать нельзя. Именно это Гульковский и имел в виду: почитаешь на лаврах, и вдруг приходит некто и свергает...

Надо ответить, давно уже кто-то настойчиво стучит в смартфон.

– Слушаю.

– Почему так долго не отвечаешь?

– Задумался. Вернее, не слышал, по улице иду. Шумно.

– Я уже хотела отключиться... Ты когда сегодня будешь?

– А что?

– Давно тебя не видела.

– Мы же только утром... – начал и запнулся. Мужская и женская логики – это полярности. У них и время по-другому идёт, и Земля крутится по желанию... – Хорошо, моя родная. Сразу же после вечернего удара курантов...

– Стас, мы сегодня едем к маме.

Вот так. Без прелюдий и не «сможем ли мы?», или: «хочешь ли ты?», а «едем». Но, с точки зрения будущего устройства общества, это и есть отношения общепринятого порядка и индивидуальности, которая вынуждена подчиняться, оставаясь зависимо-свободной...

Нет, что-то в этой формулировке не так. Надо будет подумать...

– Вообще-то я... – попытался проявить индивидуальную мощь.

– Не задерживайся.

Надо было подготовить основание отказа. Тем более что подобное можно было предположить ещё вчера, по разговору за ужином.

– Хорошо, постараюсь.

– Я жду.

Вот она – категоричность порядка.

Вообще-то с тещей у Сеницкого отношения самые благодные. Он старается ей реже попадать на глаза, она при нём о нём дипломатично молчит. Но хотя бы раз в месяц требует на заклание к себе в гости. Когда был жив тесть, эти посиделки особо не напрягали. Они с тестем могли выйти на балкон и поговорить о своём, мужском; теперь же сидеть между двух женщин, неустанно говорящих о том, что ему непонятно и неинтересно, было мукой. Прежде он пытался следить за канвой разговора и даже вмешиваться. Но скоро понял, что канва не радуется новизной или оригинальностью, а вмешательство неуместно и чревато непониманием. Но ведь и не уйдёшь, Марина обидится. А обижается она долго, несколько дней не замечая его присутствия в доме и, естественно, не слыша.

Хотя, видит Господь, он бы сегодня вечером с большим интересом и радостью полазил бы по интернету. Разбередил его ностальгию по прошлому Гульковский.

... Действительно, Юзеф Понятовский привёл Бонапарту почти сто тысяч поляков Герцогства Варшавского. Привёл с надеждой восстановить бывшие границы Речи Посполитой. Нет, психология державного величия не умирает... В победоносном начале кампании даже распространяли листовку на русских землях, адресованную именно полякам. *«Поляки! Вы служите под русскими знамёнами. Эта служба была вам дозволена, пока у вас не было отечества. Но теперь всё изменилось. Польша воскресла, и теперь надо сражаться ради её полного восстановления, ради того, чтобы заставить русских признать права, которые были у вас отняты несправедливостью и силой. Генеральная конфедерация Польши и Литвы отзывает всех поляков с русской службы. Польские генералы, офицеры, солдаты! Повинуйтесь голосу Отечества: покиньте знамёна ваших притеснителей, спешите все к нам, чтобы стать под знаменем Ягеллонов, Казимиров, Собеских! Об этом просит вас Отечество, повелевает честь и религия!»*

Под русскими знамёнами было тоже немало поляков. Четырнадцать генералов, почти треть офицерского состава. Были польские полки улан и гусар.

Но всё же с Бонапартом пришло их больше. И именно полки Понятовского были главной ударной силой в Смоленском сражении.

«Отчего я прежде не интересовался этой темой?» – удивлялся Сеницкий, сидя перед компьютером и делая выписки из открывавшихся документов. Находил, читал и всё надеялся наткнуться на свою фамилию. На сообщение о неведомом предке, который, конечно же, воевал на той или иной стороне... И ему отчего-то казалось, что именно в событиях вокруг Смоленска этот предок должен каким-то образом проявиться. Хоть одним упоминанием, сочетанием букв в фамилии... Не мог он там не быть. Другое дело, неизвестно, на чьей стороне...

Но вот Матеуш Заремба точно был на той стороне. Его письмо нашли в Смоленске между кирпичами городской стены. *«Милый брат! Мы уже под Смоленском. Наполеон думает его взять. Но русские дерутся, как львы. Даст Бог – дойдём до Москвы. Вот там заживём! Мюрат мне обещал, что, когда дойдём до Москвы, он сделает меня генералом».*

По-видимому, генералом Матеуш так и не стал, но потомки его брата, несомненно, живут сегодня в Польше...

Если верить летописцам, то в прежние времена Смоленск был более неприступным, выдерживая длительные осады. На этот раз сражения в его предместьях длились всего пару дней. Слишком велика была разница в численности наступавших и оборонявшихся. Если, опять же, верить запискам очевидцев, то отваги наступавшим было не занимать. Он нашёл записки русского офицера Фёдора Глинки, уроженца этих мест, который писал в своих заметках: *«...поляки в бешеном исступлении лезли на стены, ломались в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра».*

Потом Наполеон отдал приказ жечь город. Начался артиллерийский обстрел...

А наутро русские войска оставили сожжённый город, призвав его население к народной войне...

Было начало августа, ещё стояло тепло. Склады наполнились запасами продовольствия. В захваченном Смоленске французы оставили гарнизон для сбора продовольствия. Военный комиссар виконт де Пюибюск, оставшийся с сыном в составе гарнизона, в своих письмах жалуется, что *«жители при нашем приближении разбегаются и уносят с собою всё, что только могут взять, и скрываются в густых, почти неприступных лесах»*. А голодных солдат, разбредающихся в поисках пищи по окрестностям, мужики забивают дубьём. *«Голод губит людей. Мёртвые тела складывают в кучу, тут же, подле умирающих, на дворах и в садах; нет ни заступов, ни рук, чтобы зарыть их в землю»*.

Потом, правда, положение выправляется, а в сентябре в гарнизоне радуются победе под Бородино. Но тут же пришло распоряжение о том, чтобы *«отправить из Смоленска в армию всех, кто только в состоянии идти, даже и тех, которые ещё не совсем выздоровели»*.

В середине октября ударили морозы. Теперь виконт пишет, что *«люди гибнут на бивуаках от холода»*. А в конце октября он сообщает родным: *«Сейчас получили мы официальное известие, что Наполеон с армиею оставил Москву и отступает к Днепру; однако неизвестно ещё, какую пройдёт он дорогой. Каждый день раненые генералы и офицеры возвращаются в Пруссию, не дожидаясь выздоровления; многие из них без всякого разрешения едут на первый случай из предосторожности в г. Вильну. Меня долг и честь удерживают лишь в г. Смоленске, и я решился ожидать здесь судьбы своей»*.

Спустя две недели виконт уже паникует. *«Вчера прибыл сюда Наполеон с гвардиею. От ворот Московских до самой квартиры своей, в верхней части города, шёл он пешком. Выход на гору покрыт льдом; а т. к. в городе нет ни железа, ни кузниц, то весьма трудно втаскивать повозки на гору; лошади так измучены, что если которая упадёт, то уже не может встать. Сегодня мороз 16 градусов. Наши солдаты, прибывшие из Москвы, закутаны иные в шубы мужские и женские, иные в салоны или шерстяные и шёлковые материи, головы и ноги обёрнуты платками и тряпками. Лица чёрные, закоптелые; глаза красные, впалые, словом, нет в них и подобия солдат, а более похожи на людей, убежавших из сумасшедшего дома. Изнурённые от голода и стужи, они падают на дороге и умирают, и никто из товарищей не протянет им руку помощи»*.

Из предосторожности, чтобы голодные солдаты не бросились грабить магазины, решено армию оставить за валом вне города, поблизости конюшен»...

«Каково было там польским уланам из армии Понятовского?» – мелькнула мысль, в которой вполне можно было распознать и жалость к врагам его русского отечества...

Если исходить из того, что в будущем все нации сольются в единое безнациональное человечество, то отчего бы не посочувствовать побеждённым.

Но вот каков Наполеон, приказавший, как пишет виконт, *«распределить провиант так, чтобы гвардия была удовлетворена, а остальных предоставить воле Божией»*.

А с другой стороны, разве не эта логика заботы не о всём человечестве, а о малом его количестве, пронизывает труды Бельского, на чём строится и его диссертация.

Эта мысль, не совсем приятная, противоречащая чему-то усвоенному и принятому как аксиома, – в нём, в его мировоззрении, напомнила о разговоре с Гульковским. Но он не стал углубляться, решил разобраться, как видели происходящее победители, среди которых тоже были поляки.

Вслед за отступающим врагом движется армия русская, в составе которой Фёдор Глинка, адъютант при генерале Милорадовиче. Он тоже, как и виконт, всё замечает, всё фиксирует.

«В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. По той дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мёртвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в саже и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по грудам конских и человеческих трупов».

Жалостлив и милосерден Фёдор Глинка.

Именно в таких испытаниях познаётся истинное и обнажается ложное.

А виконт продолжает записывать то, что видит он.

«Вчерашний день императорская гвардия выступила из города через Виленские ворота по направлению к г. Красному. Теснота была ужасная, самого Наполеона чуть не задавили. Многие раненые убежали из госпиталей и тащились, как могли, до самых городских ворот, умоляя всякого, кто только ехал на лошади, или в санях, или в повозке, взять их с собою; но никто не внимал их воплям; всяк только о своём спасении думал. Через несколько часов я с главным штабом оставлю город; неприятель ожидает нас впереди на дороге».

Возможно, там, под городом Красным, дороги де Пюибюска и Глинки пересеклись, и французский виконт видел то, что видел русский офицер.

«Здесь, во рву, подле большой дороги, среди разбитых фур, изломанных карет и мёртвых тел, кроме шуб, бархатов и парчей, можно купить серебряные деньги мешками!.. Но там, где меряют мешками деньги, нет ни крохи хлеба! Хлеб почитается у нас единственной драгоценностью!.. Один из наших проповедников недавно назвал французов обесчеловечившимся народом; нет ничего справедливее этого изречения. Положим, что голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей; но может ли он принудить пожирать подобных себе. Они, нимало не содрогаясь и с великим хладнокровием, рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса!»

Так война развенчивает нацию, доселе являющуюся примером для подражания...

Фёдор Глинка победно прошёл до Парижа, вернулся домой победителем, прожил долгую жизнь – девяносто четыре года. Что же касается виконта де Пюибюска, то он со своим сыном был взят в плен и самым уважительным образом представлен сначала генералу Мартынову, потом графу Платову, затем генералу Ермолову и, наконец, фельдмаршалу Кутузову. После чего с удобствами препровождён в Санкт-Петербург. И вероятно, вернулся домой.

Таково милосердие победителей...

На всякий случай Синицкий сделал себе выписки из найденных документов.

– Стасик, во сколько же ты встал?

Марина прижалась животом к его плечу. Живот был упругий, большой и тёплый. Синицкий в который раз удивился, как из ничего получается что-то. Им уже сказали, что это «что-то» будет девочкой. Сейчас он подумал, что хорошо было бы, если бы врачи ошиблись. Не потому, что хотел мальчика. Девочка даже лучше. Просто хотелось, чтобы была тайна, которая раскрылась бы только с рождением нового человека. Он из рассказов родителей знал, как прежде умели этому радоваться. Вообще раньше в их жизни много было того, что приносило радость. Вспоминая свою молодость и ту страну, которой уже не было, они, не забывая о пустых прилавках магазинов и дефиците, почему-то считали более важной ту радость, что получали, доставая этот самый дефицит, а потом собирая за праздничным столом близких людей и радуясь уже общению.

– Я не помню, когда ты лёг. Работал допоздна?

– А что, уже утро?

Он посмотрел в окно. За шторами была всё та же ночь. Но, возможно, уже действительно утро, на дворе – декабрь, самые длинные ночи.

– Так ты совсем не ложишься?

– Днём высплюсь, сегодня у меня творческий день.

– Скорей бы ты закончил свою диссертацию, – вздохнула жена и, наклонившись, касаясь налитой грудью его плеча и пахнув запахом молока, поцеловала его в лоб.

Как маленького.

Он заметил: когда жена поняла, что беременна, она стала вести себя не как прежде. Прежде она была избалованной девчонкой, любившей подольше поваляться в постели, не очень озабоченная, чем накормить мужа, и предпочитающая готовке обеды в кафе. Теперь же начала готовить дома. Правда, не так много она умела. Но старалась хоть раз в неделю приготовить какое-нибудь новое блюдо. И всё прислушивалась к себе, подробно рассказывая о своих ощущениях и заставляя его прикладывать ухо к животу, без особой надежды, что он что-либо услышит. Но зато теперь она не капризничала и не заставляла исполнять нелепые желания.

– Что тебе приготовить на завтрак?

– Что и себе, – сказал он, всё ещё глядя на монитор, но уже понимая, что на этом сегодня можно поставить точку.

– Будешь омлет?

– Пусть будет омлет, – согласился он.

– А может, лучше сварить кашу?

– Можно и кашу.

– Нет, лучше омлет. Это быстрее... А может, ты сам сделаешь? – обернулась она в проёме двери, вся уютно-округлая, в прозрачном пеньюаре, и он невольно залюбовался ею, ловя себя на горделивой мысли, что у него такая красивая и желанная жена.

– А может, вместе ещё поспим? – поймав себя на желании, в тон ей произнёс он, хотя та, которую жена носила в себе, уже явно не желала никакого вмешательства со стороны. – Я тебя поглажу и дочку послушаю...

– Стасенька, у меня творческих дней нет. У меня сегодня первая пара.

– А, ну да. Студенты не ждут.

– Опоздаешь – упорхнут... – дополнила она.

– Ладно, иди одевайся, я сделаю омлет.

«...Очевидно, что мой предок в той войне выжил, – думал он, взбивая яйца. – Другое дело, неизвестно, на чьей стороне он воевал... Вот она – загадка его генной цепочки. И попробуй разгадай её, если тебя отделяют ещё две или даже три, если считать гражданскую, войны. И революция, которая всё сбילה-смешала так, как он сейчас сбивает яйца; уже ни белка, ни желтка, а однородная бледно-жёлтая масса...»

Но Гульковский прав: нельзя прогнозировать будущее, не зная прошлого...»

– Мы с вами встречаемся в одном и том же месте.

– Так я ведь знаю, что это ваша любимая скамейка, и когда вы здесь предаётесь размышлениям, обогащающим нашу науку.

– Вы, молодой человек, умеете так льстить, что трудно разобрать – это лесть или сарказм.

– Только не сарказм. Избави Бог. Вы же знаете, что я действительно считаю ваши работы важными для науки. На многие из них я ссылаюсь в своей диссертации... Ваша методология оценки будущего через призму прошлого – это как фундамент, без которого всё строение рухнет.

– У вас сегодня юношеское настроение, Станислав.

– И всё почему, Иван Васильевич? Всё благодаря вам.

– Интересно, чем же я вам поднял настроение?

Старик заинтересованно повернул голову, сел вполоборота. Достал из кармана пальто большой носовой платок, промокнул им слёзы, выжатые утренним морозцем.

– Позавчера ночью, благодаря вам, я отправился в прошлое. И узнал много нового для себя.

– Мне казалось, вас интересует исключительно будущее. Вы ещё не перевалили тот самый рубеж, когда прошлое становится настоящим.

Синицкий помедлил, осмысливая этот синтез прошлого и настоящего, который предложил старик, и согласился с ним. Пока теоретически, потому что его настоящее действительно более переплеталось с будущим. А вообще стоит поразмышлять над подобными петлями времени. И над собственным пересечением личной оси Хроноса. А может быть, это пересечение случилось именно сейчас...

– А может быть, это уже произошло.

– Ну что вы. Вам ещё рано, Станислав, какие ваши годы. У вас всё ещё впереди... в вашем общечеловеческом мироустройстве... Вы всё так же продолжаете верить в единый мировой порядок?

– Признаться, после экскурсии в прошлое появились некоторые сомнения.

– Вам следует заглянуть ещё дальше в кажущееся минувшее. Всё, что есть и что будет, уже было. «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас». И в Книге книг всё изложено, весь цикл существования человечества от начала до конца. От альфы до омеги... Вы ведь знаете предание о строительстве Вавилонской башни?

– Насколько это может быть известно неспециалисту. О том, что после потопа оставшиеся в живых правильного вывода не сделали, урок не поняли, гордыни не утратили, отчего и взялись за строительство башни, чтобы добраться до неба. Господь тогда один язык разделил на множество и рассеял их по земле.

– Зачем Он это сделал?

– Не хотел, чтобы тайное стало явным. Чтобы человек мог с Ним сравняться.

– Молодой человек, у вас явно атеистическая закваска. Хотя вы ведь уже не были пионером...
– Не был. Но слышан. – Сеницкий вспомнил сравнение человечества с муравьями, которое очень нравилось Бельскому. – Но мне кажется, что Господу нет никакого дела до человечества. Как нам нет никакого дела до муравейника, в котором суетятся муравьишки.
– Этим сравнением вы принижаете предназначение человечества.
– Мне бы понять своё собственное предназначение.
– Если вы это поймёте, станете подобны Господу... А знаете, почему Он не позволил построить башню? Потому, что это конечность. А конечности не должно быть. Её нет.

Гульковский замолчал. Сидел, съёжившись, спрятав маленькое морщинистое лицо в поднятый воротник пальто, и водил перед собой тростью, вырисовывая на грязном истоптанном снегу хаотичные линии.

– Вы знаете, почему не будет единого человеческого общества? Потому, что всё в этом мире подчиняется закону единства и борьбы противоположностей. Мир, созданный Богом, или, если хочешь, единым мировым законом, изначально полярен во всём. В нём было, есть и будет всегда две противоположности, два полюса. На одном будет концентрироваться доброе, на другом – злое. Исключительно доброе или исключительно злое – это конечность, которой в бесконечном мироздании быть не может...
– Но вы ведь конечны. И я тоже. Как все люди, – не совсем уверенно произнёс Сеницкий, понимая, что сейчас уподобляется школьнику, надеющемуся к своим скудным познаниям добавить нечто очень важное.

– Я говорю, Станислав, вы заражены атеизмом. А атеизм – это не наука. Это отрицание истинной науки.
– А как же монография Бельского с его аргументированным обоснованием однополярности и признанная теорией.
– А признанный Кампанелла с его городом Солнца?... Это утопии, мой молодой друг, это не наука.
– Вы меня смутили, Иван Васильевич.
– Смущаться – привилегия молодости. И творческого поиска... Холодно... Мне пора в тепло, кровь уже не греет.

Старик поднялся. Опираясь на трость, постоял, словно привыкая к тверди под ногами и никак не решаясь сделать первый шаг. И неожиданно произнёс:

– А многополярность – это всего лишь дробление единой полярности. Рано или поздно она начинает вновь складываться и снова дробиться. Но это не закон. Это циклы. Так что Бельский открытия не сделал, а с учётом нынешних скоростей, боюсь, что на лаврах почивать ему долго не придётся.

Бельский – олицетворение успешности. Ему немногим более сорока, но он уже доктор наук и признанный авторитет. Выглядит он молодо. Одевается современно: не броско, но модно. Демократичен. Хотя ни к какому политическому течению себя не относит, утверждая, что в эту графу в анкетах всегда вписывал бы только одну партию – партию науки.

У Бельского такая же успешная и профессионально востребованная жена. Она работает в финансовой структуре и умеет из ничего делать деньги. Это по утверждению Бельского, который о своей жене почему-то всегда говорит с улыбкой. Живут они вдвоём в загородном доме жены. Детей у них нет. Но и союз они образовали всего лишь пару лет назад. До этого Бельский поменял несколько влюблённых в него студенток, но ни с одной не ужился.

У Сеницкого отношения со своим шефом самые дружеские. Но не панибратские. Бельский любит иногда пооткровенничать. Может быть, и не до конца. Не обо всём. Но Сеницкий знает, что настоящая любовь у него осталась далеко в прошлом, когда он был студентом. И она тоже. Но если бы он тогда женился, то вся учёба пошла бы насмарку. А следом и аспирантура, и всё остальное, что у него есть сегодня. Если откровенно, тогда он любовь ставил ниже, чем карьеру и успех. Впрочем, и сегодня он не уверен, что поменял бы на любовь то, что имеет.

С нынешней женой у Бельского деловой союз, без всяких романтических фантазий и заскоков. Совместное проживание под одной крышей. И им обоим ещё рано заводить детей. А может, и не стоит вовсе. Во всяком случае, пока они потребности в детском плаче не ощущают.

Свой разговор с Гульковским Сеницкий пересказал шефу. И выразил свои сомнения по поводу выбранной для диссертации темы.

Свой разговор с Гульковским Сеницкий пересказал шефу. И выразил свои сомнения по поводу выбранной для диссертации темы.

– Да, старик совсем отстал, – вздохнул Бельский. – А ведь был когда-то в авангарде, я с него брал пример. Вот, Станислав, что с людьми делает возраст. Я решил, что, когда почувствую себя ретроградом, запрусь в своей домашней келье и не буду никого смущать своими сомнениями.

– А если он всё же прав? – настаивал Синицкий.

– Он не прав, – твёрдо сказал Бельский. – Он человек не только уходящей эпохи, но и ушедшего уклада. Говоря сегодняшним языком – у него устаревшая программа с малым объёмом оперативной памяти. Он всё ещё живёт библейско-коммунистическими постулатами. А мы, всё вокруг стало другим. Он идёт в другую сторону.

– Что значит – в другую?.. Мы все идём в одну. Человечество развивается по восходящей спирали, ценности у нас одни и те же...

– Ценности, может быть, и те же, – неуверенно произнёс Бельский, – но отношение к ним другое. Ну как бы тебе... Впрочем, ты и сам не дурак, видишь, что на нашей планете сегодня живёт слишком много людей. Ты где-нибудь видел гигантский муравейник? Высотой хотя бы с дом?

Синицкий покачал головой.

– Таких муравейников в принципе не может быть. Потому что муравейник имеет размеры соответственно форме и численности муравьёв. Так вот, наша планета – это тоже своеобразный муравейник, как заметил один из философов недалёкого прошлого – человеконик, и она имеет свою человекоёмкость. И в муравейнике нет бездельников, там трудятся все, и у каждого своя функция, своя задача. Вот это и есть гармония. Мы, люди, сегодня осознали, что гармония – это оптимальное соотношение численности населения и размеров земной поверхности. И начинаем создавать гармоничный мир.

– Теория золотого миллиарда... Признаться, я не верю в глобальный заговор неведомо кого.

– Ну, во-первых, не заговор, а деяние. А во-вторых, почему неведомо кого?.. Даже Генеральный секретарь ООН в одном из своих докладов отметил, что всего лишь двадцати шести кланам принадлежит столько же благ, сколько половине населения планеты. Естественно, эти двадцать шесть несут глобальную ответственность. Есть ещё такая статистика: один процент населения земли имеет столько же собственности, сколько остальные девяносто девять процентов. Надеюсь, ты не будешь спорить, что тот, кто больше имеет – больше и радеет. Один процент – это чуть больше семидесяти миллионов человек, вот они и создают будущее.

– Строят новую Вавилонскую башню.

– При чём здесь эти притчи? – поморщился Бельский. – Я всё это тебе говорю, чтобы ты чётко понимал, на кого мы работаем, кому нужна наука. И исходил из запросов заказчика.

– А я считал, что наука – это провидица всего человечества.

– Это банально. Если не глупо. Ты уж не обижайся. – Посмотрев куда-то выше головы Синицкого, не без пафоса произнёс: – Наука – это служанка доминирующей социальной группы.

– То есть мы всего-навсего служба богачей?..

– При чём здесь богачей? Это эмоции, недостойные учёного. И даже вредные. Мы прокладываем рельсы в будущее, но не для всего человечества, а для деятельной его части. Что тебя не устраивает в этой формуле?

– Пока не знаю. Но что-то не нравится.

– Выбрось все эти мысли из головы. Тему мы взяли самую выигрышную. Работай.

– Стасик, приезжай быстрее!

Голос у Марины взволнованный. И ни слова в объяснение, почему он должен бросать всё и лететь к ней. Хотел ещё пару часов покопаться в трудах великих предтеч, утвердиться в выбранной теме. Бросил всё-таки Гульковский зерно сомнения. Но и за Бельским правда. Вот они – две правды, и он между. За ним выбор...

Раньше Марина позволяла себе такие капризы. А когда он прилетал сломя голову, открыв дверь, обиженно произносила: «Скучно мне», и делала рожицу избалованной старшеклассницы, отчего весь его праведный гнев вмиг испарялся.

...Набрал номер. Долго ждал, но жена не отвечала. Может, отключила звук, за ней это водилось – пребывать в недоступности, а может, действительно что случилось. Всё-таки беременная...

Заложил закладки в недочитанные книги, черкнул план первоочередных дел на завтра и поехал домой.

Взлетел на пятый этаж так, что, стоя у двери, никак не мог отдышаться, и, когда Марина открыла, жива-здорова, долго не мог ничего сказать. Только глотал воздух...

– Она пинается...

Жена капризно сложила губки, ожидая если не поощрения, то заинтересованности, и он наконец смог произнести:

– С тобой всё в порядке?

– Она пинается, пощупай... – Жена взяла его руку. – Фу, холодная. Иди погрей горячей водой.

– Могла сказать по телефону. Я нёсся как угорелый...

– Вам не понять беременных женщин.

– Нам просто женщин не понять.

– Вот опять. – Марина положила свои руки на живот, словно оценивая размер. – Погрел?

– Да.

– Давай руку... Положи сюда...

Она своей рукой обхватила его ладонь, прижала к горячему животу, и он действительно ощутил мягкие толчки, словно там что-то укладывалось поудобнее.

Надо же, – подумал, удивляясь, – где-то там, в чреве, что-то живёт... Жизнь зарождается в жизни... Действительно, ему этого не понять.

И вдруг вспомнил о том, что планета уже перенаселена, и, чтобы вернуться к той самой разумной численности народонаселения, первым делом запретят рожать. И те, кто будет жить завтра и послезавтра, так и не узнают, что такое быть матерью и отцом...

– Тебе нравится наша девочка? – шёпотом спросила Марина.

– Ну, в общем... – Он замялся, помедлил и твёрдо произнёс: – Нравится. – Подержал ещё ладонь на животе, хотя никто уже не толкался.

– Всё. Утихомирилась. Ты ей понравился. Давай будем ужинать.

Марина развернулась и пошла на кухню.

Глядя ей вслед, он вдруг осознал, что теперь их уже не двое. Их уже трое. И тот, третий, пока ещё материально осязаемый вот только так, на ощупь, совсем скоро многое переменит в их маленьком мире. Сначала в их маленьком, а потом и в большом. Вместе с теми, кто ещё не пришёл в него. Но придёт. Должен прийти...

– Ты знаешь, я, наверное, сменю тему диссертации. – Неожиданно для самого себя сказал он.

– Почему? Бельский предложил?

– Нет. Не он... Ты вот скажи, какое будущее ты хотела бы для нашей дочери?

– Странный вопрос, – удивилась она. – Кто же хочет своим детям плохого будущего. Только хорошее.

– Это понятно. Что бы ты выбрала: однополярный мир, в котором нет вражды, насилия, войн, или тот, который есть сейчас – с противостоянием, враждой, насилием...

– Конечно, первый.

– Но в том первом мире будет жить не более миллиарда.

– А остальные шесть?

– Они должны покинуть этот мир.

– А наши с тобой дети будут в этом миллиарде?

Синицкий помедлил. Вспомнил приведённые Бельским цифры.

– Не уверен.

– Тогда зачем спрашиваешь. Я за то будущее, в котором будут жить наши с тобой дети, внуки и правнуки... Садись ужинать... Мы с дочкой проголодались.

...Ночью ему приснился виконт Пюибюск. Он стоял посреди белоснежного поля в короткой женской, явно маленькой для него, шубке и смотрел в ту сторону, где поле соединялось с белёсым небом. «Время настоящего беременно будущим, – говорил он. – Но мало кому дано распознать это... Мало кому – и все остальные просто обманывают себя...»

«Не все, – хотел возразить Синицкий. – Я не обманываю. Я действительно хочу увидеть будущее...»

Но виконт его не слышал, он стал сливаться с полем и уходить, уплывать к горизонту...

Синицкий проснулся с уверенностью в том, что он знает, что делать.